

Толдова С.Ю.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

sosen@aha.ru

Аннотация

В работе предлагается краткий обзор моделей референции, затрагиваются некоторые сложные случаи референции, которые создают проблему для интерпретации в рамках логического подхода. Рассматриваются случаи нелинейности кореферентных отношений ИГ в связном тексте, а также в диалоге. Также рассматриваются случаи, когда референция к некоторому объекту осуществляется успешно, несмотря на неверные характеристики объекта, указанные в его номинации. Предлагается ряд уточнений модели референции с точки зрения когнитивного подхода.

1. Модели референции

Основным требованием, предъявляемым к языковому выражению, выбираемому в качестве номинации объекта, является следующее: адресат должен быть в состоянии правильно и однозначно проинтерпретировать это языковое выражение. Вопрос об отношении между именем и обозначаемым им объектом (референтом) является центральным в работах по вопросам референции, как логических (см. обзор в [1], см. также основополагающую работу [14]), так и лингвистических (см., например, [8]).

1.1. Логические референциальные модели

Традиционная логическая модель предполагает, что имя соотносится с некоторым понятием (ср. интенционал имени) и с некоторым объектом в реальной действительности - денотатом (см. [11]), т.е. референт имени это объект реального мира. Во-вторых, утверждается, что определенная дескрипция содержит в себе презумпцию существования и единственности.

Однако такая модель сразу же наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, это так называемая «проблема единорога»: как быть с определенными ИГ, которые обозначают объекты, не существующие в реальном мире (см., например, [9]). ИГ *единорог* является определенной дескрипцией, задает некоторый единственный объект, несмотря на то, что такого объекта не существует в природе (в данном случае нарушается представление о том, что определенная дескрипция содержит в себе презумпцию существования и единственности).

Одной из наиболее обсуждаемых проблем в рамках логического подхода является невзаимозаменяемости дескрипций (проблема «Утренней звезды» [10]):

(1) *Утренняя звезда есть Вечерняя звезда*

(1') *Утренняя звезда есть Утренняя звезда*

При подстановке дескрипции *Утренняя звезда*, соотносимой с тем же референтом, вместо ИГ *Вечерняя звезда* в (1) получается тавтология (ср. (1')). Данный пример показывает необходимость соотнесения определенной дескрипции не только с референтом, но и с понятием, задаваемым ИГ.

Проблемы возникают и в отношении того, что «определенность/неопределенность» объекта не совпадает часто у говорящего и слушающего. Кроме того, не всегда определенность ИГ предполагает, что говорящий имеет целью выделение некоторого объекта в действительности, что он может «указать пальцем» референт ИГ. Говорящий может утверждать нечто относительно некоторого объекта, который удовлетворяет дескрипции, каков бы он ни был (см. [4: 139]). Так в (2) *Убийца Смита – сумасшедший*. -говорящий может и не знать, кто убил Смита. В этом случае говорящий не отсылает ни к какому лицу. Однозначность дескрипции достигается «интенционально. Для решения данной проблемы Доннелан предложил разделять два типа употребления определенной дескрипции: референтное и атрибутивное (ср. идентифицирующую и характеризующую функцию дескрипций, [1], ср. также прозрачное vs. непрозрачное употребление дескрипций [5]).

1.2. Когнитивно-ориентированные модели референции

Уже в рамках логического подхода намечаются пути когнитивно-ориентированного уточнения модели референции: зависимость референции от конкретного употребления предложения в речи, зависимость свойств определенной дескрипции от намерений говорящего и т.п. Таким образом, такое уточнение предполагает включение в модель референции говорящего, слушающего и их базы знаний (той информации, которая хранится в их сознании).

Во-первых, проблема референции к несуществующим объектам может быть решена, если предположить, что референтом ИГ является не объект реального мира, а его образ. Такое уточнение было предложено Виноградом в рамках процессуального подхода к референции: референт является не объектом реального мира, а образом объекта в сознании коммуникантов (см. [3]), или система предметных фреймов, связанных с данным объектом. Современные модели анафоры базируются именно на таком исходном положении (ср. [12], [13] и др.)

Во-вторых, решение вопроса о соотношении характеризующей и идентифицирующей информации, а также вопрос об известности/неизвестности референта для разных участников коммуникации может быть решен только при введении говорящего и слушающего, а также коммуникативных намерений говорящего в модель референции. Существенным уточнением модели является представление об акте референции как об отношении между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом [10].

Логические модели были сосредоточены на проблемах референции, касающихся конкретных единичных референтов. Однако вопрос о соотношении ИГ и некоторого ее образа в сознании оказывается шире: есть ли референт и что/кто является референтом ИГ *дети* в (3) *Дети часто бывают непослушны*. Ответом на данные вопросы может служить представление о различных типах соотношенности языковых выражений с внеязыковой действительностью: денотативных (референциальных) статусах [5].

Особый интерес представляет уточненная модель референции, предложенная в [2], в которой существенными компонентами являются референциальный образ объекта в сознании говорящего и референциальный образ объекта в сознании адресата.

Большинство логических работ страдало еще и тем, что референция ИГ рассматривалась в изолированном предложении в отрыве от текста. При переносе на текст проблема установления референта во многих случаях переходит в проблему установления кореферентности двух ИГ. В данном случае обычно предлагается следующая упрощенная модель: при первом упоминании в сознании коммуникантов актуализуется некоторый референт. Процедура установления референта ИГ - это выбор из уже актуализованных референтов «того же самого».

2. Парадоксы референции

2.1. Интенциональный контекст

Однако указанные уточнения не снимают ряд упомянутых выше проблем. Введение двух координат референции: образа объекта в сознании говорящего и образа объекта в сознании говорящего оказывается недостаточным в так называемых интенциональных контекстах ([6]). «Хрестоматийной» иллюстрацией проблем интенционального контекста служит пример (4) *Царь Эдип захотел жениться на своей матери*. Это высказывание ложно, хотя высказывание (4') *Царь Эдип захотел жениться на Иокасте*. – истинно, а ИГ *мать Эдипа* и *Иокаста* имеют один и тот же референт. Проблему вызывает референция ИГ в контексте «миропорождающих» предикатов, таких как глаголы говорения, знания, мнения, намерения. Особенности референции в контексте интенциональных предикатов подробно разбираются в [6]. Существенным для интерпретации такого рода примеров является разделение субъекта референции и реального говорящего. В (4) субъект референции (Эдип) не совпадает с реальным говорящим. Таким образом, необходимо введение третьей внутритекстовой координаты: место референта в модели мира внутритекстового субъекта сознания (субъекта пропозициональной установки, [6]). Обычно о необходимости такой координаты говорят в связи именно с примерами типа (4), а также в связи с противопоставлением атрибутивной и идентифицирующей предикации (ср. (2)). Ниже будет показано, что введение такой координаты существенно не только для рассматриваемого случая.

Модальные и временные логики для миропорождающих предикатов предполагают следующую модель: такой предикат задает некоторый исходный мир и множество достижимых из него миров. Каждому из миров соответствует свое денотативное пространство (пространство точек референции). Эти пространства не совпадают, между точками этих пространств можно только устанавливать некоторые соответствия. Однако нетождественность точек референции обычно связывается только с интенциональными контекстами. В тексте же мы имеем последовательность предикатов, локализованных во времени. Следовательно, мы имеем некоторую шкалу достижимых миров, каждому из которых соответствует свое денотативное пространство. Между точками этих пространств существует некоторое соответствие.

На основе вышесказанного предлагается следующее уточнение модели референции: процесс установления кореферентных отношений двух ИГ есть процесс нахождения точек в разных денотативных пространствах, между которыми задано соответствие. Разные типы ИГ представляют собой разные способы задания такого соответствия. Переформулируем эти утверждения в когнитивных терминах: ИГ содержит инструкцию о том, какому актуализованному в дискурсе или содержащемуся в базе знаний коммуникантов референциальному образу соответствует референциальный образ, соотносимый с данной ИГ.

Как уже было сказано выше, в порождаемом предикатом мире существует свой внутренний субъект сознания (например, внутритекстовый говорящий, если миропорождающий предикат - глагол речи). Отсутствие указания на то, кто именно является субъектом референции: реальный говорящий или внутритекстовый субъект сознания может создавать неоднозначности при интерпретации анафорических и личных местоимений:

(5) *Петя сказал, что он, мол, придет*

(6) *Петя сказал, что я, мол, приду*

В (5) местоимение *он* может относиться как к Пете (референция осуществляется с точки зрения реального говорящего), так и к другому референту, актуализованному в предшествующем дискурсе (субъектом референции может быть и Петя, а референтом ИГ *он* – сам говорящий, ср. (5') *Петя сказал про меня Ване, что он, мол, придет*). В (6) ИГ *я* может относиться как к реальному говорящему, так и к Пете.

2.2. Сдвоенные денотативные статусы

Даже имея в виду набор референциальных статусов и противопоставление характеризующей и идентифицирующей ИГ, не всегда можно однозначно решить вопрос, какой именно статус имеет данная ИГ. Имеется в виду проблема «сдвоенного» денотативного статуса ([8]). Обычно в этой связи обсуждается вопрос о совмещении в одной ИГ предикатного или родового и конкретно-референтного статусов:

(6) Учителем Александра Македонского был выдающийся философ.

(7) На фотографии изображена землеройная машина Крот-2. Она обладает уникальными свойствами.

(8) На этот раз мне показали поезд на магнитной подушке. Он обладает удивительными свойствами. Поезд может развивать скорость 300 км/ч.

Во всех этих примерах ИГ, с одной стороны, имеет конкретно-референтный статус. С другой стороны, в данных высказываниях оказывается неважным, можно ли однозначно установить референта ИГ. Существенными являются свойства референта как некоторого типового представителя класса референтов. Важно, что учителем Македонского был представитель класса философов, что характеризует качество образования первого. Любая машина указанного в (7) класса, а не только та, которая изображена на фотографии, обладает «уникальными свойствами». Проблемы, возникающие при интерпретации примеров, связаны с тем, что обсуждаемые ИГ имеют характеризующую функцию. В данном случае существенным является следующее уточнение (см. [10], [5]): при интерпретации ИГ необходимо учитывать, коммуникативные намерения говорящего.

С точки зрения организации информации в сознании коммуникантов можно следующим образом охарактеризовать ситуацию в (7) и (8): фрейм-прототип (фрейм, задающий свойства некоторого класса объектов) актуализуется не непосредственно, а опосредованно, через актуализацию фрейма-экземпляра (фрейма, задающего свойства конкретного объекта данного класса).

Другой случай совмещения статусов можно проиллюстрировать следующим примером:

(9) Метеорит Ветлуга, упавший на территории Горьковской области, привлек внимание многих ученых... В результате исследований удалось восстановить историю метеорита... И, наконец, осколки некогда крупного астероида упали на землю. Один из них, упавший на территории Горьковской области, получил название Ветлуга.

Одна из частей подчеркнутой ИГ (один из них) характеризует ее как неопределенную или в терминологии Е.В. Падучевой как слабо-определенную. Вторая же часть ИГ (упавший на территории Горьковской области) не только задает референт однозначно, но и содержит информацию о референте из предшествующего текста, характеризует ее как определенную как для говорящего, так и для слушающего. То есть, разные фрагменты ИГ соответствуют разным референциальным статусам, разным намерениям говорящего. При этом референт данной ИГ может быть установлен адресатом однозначно.

Таким образом, можно предложить следующее уточнение: при порождении ИГ говорящий может вводить в нее различные типы информации о референте. Намерение говорящего соотносится не с ИГ в целом, а с теми элементами информации, которые

говорящий «вводит» в ИГ в соответствии с этими намерениями. При построении номинации объекта у говорящего может быть более, чем одно намерение, что и объясняет совмещение статусов в одной ИГ.

2.3. Несоответствие определенной дескрипции свойствам объекта

Возможны случаи, когда слушающий однозначно и правильно осуществляет референцию, хотя говорящий употребил неверную дескрипцию:

(10) - Простите, мне нужен магазин «Океан». Когда мне выходить?

- *Через две остановки. Только он «Обь» называется.*

Здесь ИГ «Океан» содержит имя собственное и является идентифицирующей и, следовательно, должна однозначно задавать референт. При этом магазина с таким названием не существует. Однако адресат успешно интерпретирует данную ИГ в том смысле, что сообщает информацию именно о том объекте действительности, который интересует говорящего. В данном случае образы референтов в сознании говорящего и адресата не совпадают, однако коммуникация осуществляется успешно.

Процедуру установления референта ИГ магазин «Океан» в (10) можно описать следующим образом: адресат заводит в своем сознании некоторую «точку», с которой связывает набор характеристик искомого референта, выводимых из самой ситуации и из ИГ: магазин, рыбный, находится по маршруту троллейбуса, имеет фирменное название, имеет название «Океан». Элементы информации имеют различные веса. Веса зависят от конкретной ситуации общения и от организации базы знаний коммуниканта (в данном случае информация о том, что это здание, расположенное по маршруту троллейбуса имеет самый высокий вес). Иными словами, имеется некоторая функция подобия, по которой из множества образов из базы знаний адресата, соответствующих зданиям по маршруту троллейбуса, выбирается образ, наиболее «близкий» образу, построенному по реплике говорящего.

Данный пример указывает на необходимость следующего уточнения: образ референта ИГ в сознании адресата и образ референта ИГ в сознании говорящего могут и не находиться в отношении тождества. При осуществлении референции адресат строит соответствующее ИГ из реплики говорящего описание референта и соотносит его не с тождественным описанием из своей базы знаний (или из актуализованного в его сознании фрагменте действительности), а с максимально «близким» описанием. То есть, процесс референции является процессом наложения образов. Установление кореферентности – это реализация некоторой функции подобия, которая по заданной ИГ находит максимально «близкий» образ из базы знаний.

2.4. Нелинейность кореферентности

Рассмотренные выше проблемы ведут к интересным последствиям с точки зрения установления кореферентности двух ИГ в связном тексте. Обычно кореферентными считаются две ИГ, если их референты совпадают (ср. [1]). Отсюда следует, что ИГ, имеющие тождественные референты, образуют в тексте некоторую линейную последовательность (ср. (8) ИГ₁ - поезд на магнитной подушке, ИГ₂ он, ИГ₃ – поезд):

Схема 1.

Установление кореферентности может происходить через анафорическую отсылку к ИГ из предшествующего контекста. ИГ может и не содержать специальной анафорической отсылки, однако установление ее референта предполагает отсылку к некоторой определенной ИГ из предшествующего контекста. Будем говорить в данном случае об отношении «установления кореферентности». Если последовательно соединить стрелками ИГ, находящиеся в отношении «установления кореферентности», то можно получить некоторую линейную последовательность ИГ (ср. (8)). Существуют случаи, когда полученный таким образом граф не будет линейен:

(11) Петя сказал: «Я с тобой свяжусь. Оставь мне свой телефон»

Местоимение я не является анафорическим: референтом его является дейктический центр – говорящий. В (11) это внутритекстовый говорящий - референт ИГ *Петя*. Следовательно, Установление референта ИГ *я*, также как и установление референта ИГ *меня* происходит путем отсылки к одной и той же ИГ *Петя*^[1]. Такую ситуацию можно изобразить следующим образом:

Схема 2.

Нелинейность установления кореферентности может быть и другого типа. Рассмотрим также следующий пример:

(12) Самой ценной (из книг) была «Шах-Наме». Каждая страница книги была обрамлена золотым тиснением...

...Проклиная землю и время, Зия вернулся в библиотеку, схватил еще одну книгу. Он открыл и прочитал заголовок. На этот раз ему повезло. Прижав к груди «Шах-Наме», он выбежал из дома.

В данном случае имеется две различных цепочки кореферентных ИГ. В некоторый момент дискурса оказывается, что референты этих цепочек совпадают, то есть, эти две цепочки сходятся в одной точке, с другой стороны, ИГ «Шах-Наме» отсылает одновременно к 2-м ИГ из предшествующего контекста:

Схема 3.

Более сложное соотношение кореферентных цепочек мы можем иметь в диалоге:

(13) 1) А: - *Где вы купили пельмени?*

2) Б: - *В «Тяп-Ляпе»*

3) А: - *А где он находится?*

4) Б: - *На Трудовой.*

5) А: - *Я там только один магазин знаю, около детского сада.*

6) Б: - *Нет. Этот около кирпичной башни находится.*

7) А: - *Я и имею в виду детский сад, который за башней. Так этот магазин я и знаю. Я каждый день туда захожу. Только не знала, что он так называется.*

При осуществлении референции некоторой ИГ одним из участников диалога, он должен устанавливать кореферентность этой ИГ как ИГ из собственных реплик, так и ИГ из реплик второго участника диалога:

Схема 4.

Каждый из участников диалога может в процессе коммуникации менять свое представление о некотором референте и о его свойствах и, следовательно, менять сам набор языковых выражений для обозначения данного референта.

3. Когнитивный подход к референции

Некоторые пути разрешения проблем референции, описанных выше, уже были намечены. Сформулируем более четко предлагаемые уточнения.

3.1. Во-первых, уточнение касается роли коммуникантов. Как уже неоднократно упоминалось, необходимо включение в модель референции и говорящего и слушающего. Кроме этого, оказывается немаловажной и третья координата. Таким образом, ИГ не задает референт непосредственно, она задает:

а) с одной стороны, соответствие некоторой «точке» в сознании говорящего точке в сознании слушающего,

б) с другой стороны, соответствие некоторой точки в сознании коммуникантов, в «пространств», заданном данным предикатом, другой точке в сознании того же коммуниканта, но в пространстве, соответствующему предикату из предшествующего текста (ср. проблему интенциональных контекстов и проблему возможности кореферентного отношения между неравносильными дескрипциями).

3.2. Во-вторых, уточнение касается коммуникативных целей говорящего. На выбор номинации говорящим существенным образом влияют его коммуникативные намерения и существование стандартных способов реализации этих намерений. В одной ИГ могут реализовываться разные коммуникативные намерения говорящего, что объясняет возможность сдвоенных денотативных статусов.

В образ объекта в сознании коммуникантов входит некоторый набор информационных единиц, связанных с данным референтом. Разные типы информационных единиц могут соответствовать различным коммуникативным целям. Отсюда возможность совмещения в одной ИГ «не вполне» совместимых характеристик

3.3. В-третьих, предложенное выше уточнение понятия образа объекта как суммы некоторых вербальных и невербальных фрагментов информации также позволяет объяснить проблемы, связанные с возможностью успешной коммуникации при ошибочной номинации. Процесс осуществления референции в реальном дискурсе не является процессом отождествления, это скорее процесс наложения образов, вычисление функции подобия.

Литература

Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. // Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 13. Москва, 1982.

Богуславская О.Ю. О семантике анафоры. // Формальное представление лингвистической информации. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1982.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики. // НЗЛ. Вып.12.- М.: Прогресс, 1983.

Доннелан К.С. Референция и определенная дескрипция. // НЗЛ. Вып.13.- М.: Радуга, 1983.

Куайн О.У. Референция и модальность.// НЗЛ. Вып.13.- М.: Радуга, 1982.

Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. // НТИ. Сер. 2. - 1979. - N 9. - с.25-31.

Падучева Е.В. К теории референции: имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах. // НТИ. Сер. 2. - 1983. - N 1.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. 1985.

Рассел Б. Дескрипции. // НЗЛ. Вып.13.- М.: Радуга, 1982.

Серл Дж. Референция как речевой акт. // НЗЛ. Вып.13.- М.: Радуга, 1982.

Фреге Г. Смысл и денотат. // Семиотика и информатика. - 1977. - Вып. 8. - с.181-210.

Grosz B.J. Focusing and Description in Natural - Language Dialogs. - Elements of Discourse Understanding. Cambridge- University Press, 1981. - p.84-105.

Kibrik A.A. 1996 — Anaphora in russian narrative prose: a cognitive account. // Studies in Anaphora ed. by Barbara Fox, 255-304. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins

Quine Willard Van Orman. Word and Object. Cambridge, Massachusetts: the M.I.T. Press. 1960.

[1] Более очевидно существование такого типа кореферентности в языках с так называемыми логофорическими местоимениями, см. Толдова С.Ю. 1999. “Особенности местоименной референции при передаче чужой речи (Между дейксисом и анафорой)”. *Труды Международного семинара Диалог’98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т.1. под ред. А.С.Нариньяни*